

№ 29 (218)

Парижъ. Суббота 13 Юля 1929 г.

Цена отд. № 3 фр.
во Франції.

№ 29 (218)

Samedi, 13 Juillet 1929, Paris.

Prix du numéro 3 fr.
en France.

LA RUSSIE ILLUSTRÉE.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ РОССІЯ

6-й годъ изданія
Редакторъ: М. П. МИРОНОВЪ
Редакция и Гл. Контора
34, RUE DE MOSCOU, PARIS 8
Тел.: Central 92-26

6-ème année
Directeur M. MIRONOFF
Rédaction et Administration
34, RUE DE MOSCOU, PARIS 8
Tel.: Central 92-26

1904 Памяти Чехова 1929

(Къ двадцатипятилѣтію со дня его смерти)

ЧЕХОВЪ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕАТРЪ

Первое чтеніе „Чайки“ труппы театра. Въ группѣ: Станиславскій, Вл. И. Немировичъ-Данченко, Кипперъ-Чехове, Лужскій, Вишневскій, Артемъ и друг.

Вагонъ для перевозки устрицъ

Очеркъ Влад. Азова для «Иллюстрированной Россіи».

Профессиональные воспоминатели заслуживаютъ мало уваженія. Большею частью это промышленники, разрабатывающіе великаго человѣка, близкими къ которому ихъ сдѣлали обстоятельства, — или собственная навязчивость, — какъ старательный «проспекторъ» эксплуатируетъ угольное мѣсторожденіе или золотоносную жилу. Это ракушки, облѣпляющія тѣло большого корабля.

Больше всего воспоминателей ютилось, конечно, около Толстого. Онъ былъ обвить ими, какъ мощное старое дерево паразитическими жадными лианами. Они кормились имъ. Въ Москвѣ ли — въ Хамовникахъ, въ Тульской ли губерніи, въ Ясной Полянѣ, въ Крыму ли, въ Гаспрѣ, — около Толстого мошкаркой копошились воспоминатели. У каждаго изъ нихъ торчала изъ кармана записная книжка и заготовленъ былъ запасъ очиненныхъ карандашей. Стили тогда еще не были распространены. И они собирали малѣйшее слово, малѣйшій жестъ, малѣйшіе поступки великаго человѣка, чтобы на завтра же превратить свою жатву въ звонкіе построчные пятики.

Они выставляли себя какими то делегатами отъ всего народа, прикомандированными къ особѣ великаго человѣка въ качествѣ добросовѣстныхъ лѣтописцевъ. Но на самомъ то дѣлѣ они не сомнѣвались, что Толстой созданъ имъ на потребу, — для прокормленія ихъ съ женами и ребятишками, — и торговали Толстымъ оптомъ и въ розницу. Толстой терпѣлъ вокругъ себя этихъ навязчивыхъ прихвостней, какъ лошадь терпитъ извлекающихъ себѣ пропитаніе изъ отвергнутыхъ ею продуктовъ воробьевъ. Но иногда и у него, мудраго, вырывалось по адресу обивавшихъ его паразитовъ слово сужденія.

Чеховъ прожилъ не столь долгій вѣкъ и сталъ славенъ лишь къ концу своей жизни. Его слова и жесты были товаромъ менѣе ходкимъ и не такъ легко размѣнивались на валюту. У

Передъ концомъ
Одинъ изъ послѣднихъ портретовъ А. П.,
сдѣланный въ 1904 г.

Чехова былъ ангель-хранитель, его сестра, Анна Павловна, и отваживала еще прихвостней великая скромность Чехова, которою онъ былъ укрытъ, какъ броней. Отсюда малое сравнительно количество «чеховскаго матеріала». При немъ не было «делегатовъ отъ народа», вроде Тенеромо и Сергѣенко, еще при жизни Толстого регулярно обходившихъ московскія и петербургскія редакціи съ чемоданами, набитыми матеріаломъ о Толстомъ.

Я не собираюсь дѣлиться здѣсь моими воспоминаніями о Чеховѣ, хотя судьба и была ко мнѣ такъ благосклонна, что послала мнѣ двѣ встрѣчи съ нимъ. Я хочу вспомнить сегодня только двѣ сцены, героемъ которыхъ былъ Чеховъ: одной — живой, другой — мертвый. Между обѣими этими сценами есть связь. Ибо въ той,

въ которой Чеховъ фигурировалъ еще живой, надъ нимъ вѣяло уже дыханіе смерти.

Это была премьера «Вишневого сада» въ Московскомъ Художественномъ театрѣ, когда Чеховъ, больной и слабый, не могъ отпарировать совмѣстнаго давленія на него актеровъ и публики и неохотно появился (въ антрактѣ послѣ третьяго, кажется, акта) на сценѣ. Ему подали стулъ, что въ такихъ случаяхъ вообще не принято, и онъ сѣлъ. И наступила въ переполненномъ избранной публикой театрѣ минута, когда всѣ вдругъ, кромѣ развѣ слѣпыхъ, поняли, что они не привѣтствуютъ любимаго писателя, а прощаются съ нимъ, что это не первое, а послѣднее, прощальное свиданіе.

Рядомъ со мною сидѣлъ извѣстный всей Москвѣ врачъ Н. Н. Баженовъ. Я случайно посмотрѣлъ на него. Онъ плакалъ. «Онъ года не проживетъ, — сказалъ Баженовъ, уловивъ мой взглядъ. — Ему въ санаторій надо, а его втянули въ актерскую компанію. Они его вгонятъ въ гробъ».

Все это чествованіе длилось, можетъ быть, полторы минуты, но многимъ въ театрѣ оно показалось вѣчностью...

Баженовъ оказался пророкомъ. Скоро Чехова не стало.

Вся Москва собралась на вокзалѣ, чтобы встрѣтить гробъ Чехова и проводить его на кладбище. Была сутолока и неурядица. Полиція, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, не предвидѣла такого необычайнаго скопленія публики. Время было тревожное. Учащаяся молодежь вышла на улицу въ полномъ составѣ. Московскимъ властямъ это не нравилось. Опасались нарушенія порядка, манифестаціи.

Настроеніе было свинцовое, не смотря на чудный мягкій сіяющій день. Предчувствіе катастрофы, которая и не замедлила разразиться... Сознаніе величайшей утраты... Вѣдь Чехова не только цѣнили, какъ дофина русской литературы. Его любили, и нѣжно любили. Если Пушкинъ былъ первой любовью Россіи, то Чеховъ,

былъ, навѣрно, второй. Все содѣйствовало возникновенію этой любви: его позднее признаніе, его болѣзнь, его чистый благородный обликъ, его простота и скромность. Настроение было неописуемо тяжелое.

Толпа ждала. Поѣздъ опаздывалъ. Никто ничего не зналъ: ни почему опоздалъ поѣздъ, ни когда онъ, наконецъ, придетъ. Ждали, конечно, на пассажирской платформѣ. Вдругъ распространилась вѣсть: вагонъ съ тѣломъ Чехова будетъ посланъ на товарную станцію. Ринулись на неприглядную товарную станцію. Наконецъ, показался поѣздъ.

Поѣздъ подходилъ медленно, медленно, ибо и самыя рельсы были запружены народомъ. Гдѣ же траурный вагонъ? Никакого траурнаго вагона

не было видно. Что же это такое? «Отцѣпили!» — пронеслось по возбужденной толпѣ. «Зачѣмъ? Кто по смѣлъ?»

Но траурнаго вагона не отцѣпили. Когда поѣздъ остановился, наконецъ, у деревяннаго перрона, мы увидѣли обыкновенный товарный вагонъ, на стѣнкахъ котораго было крупными буквами выведено:

«Вагонъ для перевозки устрицъ».
Это и былъ «траурный» вагонъ, въ которомъ прибыли на родину, для вѣчнаго упокоенія, останки великаго русскаго писателя.

Вагонъ для перевозки устрицъ... Вся русская дичь, вся русская чушь, вся великая россійская неразбериха воплотилась въ этомъ нелѣпомъ вагонѣ.

Нуженъ былъ Чеховъ, чтобы описать этотъ траурный вагонъ. Но Чеховъ самъ, мертвый, лежалъ въ немъ, въ гробу, на бѣдныхъ, едва прикрытыхъ немногими цвѣтами подмосткахъ.

Влад. Азовъ.

